

Зелинский Фаддей Францевич

Из жизни идей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф15

Ф15 **Фаддей Францевич З.**
Из жизни идей / Зелинский Фаддей Францевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
472 с.

ISBN 978-5-519-86027-7

ISBN 978-5-519-86027-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе ко второму изданію.

Измѣненія, внесенныя въ это изданіе, вызваны отчасти сдѣланными за послѣднее время находками. Такъ статья о Геродѣ подверглась довольно крупной переработкѣ въ зависимости отъ увеличившагося числа отрывковъ, вслѣдствіе чего двѣ новыя сценки предстали передъ нами въ неожиданномъ, хотя пока еще нѣсколько туманномъ свѣтѣ. По той же причинѣ пришлось совсѣмъ выкинуть статью о Менандрѣ: нельзя было ее перепечатывать, въ то время какъ ученый міръ зналъ, что уже не сценки, а цѣлые акты изъ четырехъ комедій великаго поэта найдены въ Египтѣ и не сегодня-завтра должны появиться. Я получилъ ихъ уже послѣ того, какъ большая часть книги была напечатана.

Взамѣнъ пропущенной статьи въ настоящее изданіе включены три новыя, а именно:

- 1) Античная Ленора (№ VII; впервые въ „Вѣстникѣ Европы“ 1906 III).
- 2) Еврипидъ въ переводѣ И. О. Анненскаго (№ XIII; впервые въ „Перевалѣ“ 1907 X—XI).
- 3) Мотивъ разлуки (№ XVI; впервые въ „Вѣстникѣ Европы“ 1903 X).

О. Этинскій.

С.-Петербургъ.
Январь 1908 г.

Предисловіе къ третьему изданію.

Печатаю это третье изданіе въ удвоенномъ противъ прежняго числѣ экземпляровъ, я имѣю основаніе считать его окончательнымъ. Съ этой точки зрѣнія я и просмотрѣлъ и исправилъ всѣ входящія въ его составъ статьи. Къ „Менандру“ я уже не возвращался, такъ какъ этотъ воскресшій поэтъ былъ образцово обработанъ проф. Г. Ф. Церетели въ книгѣ, одинаково интересной какъ для специалистовъ, такъ и для широкой публики. Зато статьи о Воскресшихъ поэтахъ обогатились очеркомъ о новонайденной „Ипсипилѣ“ Еврипида, впервые напечатанномъ въ „Вѣстникѣ Европы“ (1901 VI—VIII). Статью „Нитцше и античность“ я пропустилъ, такъ какъ эта тема была мною обработана обстоятельнѣе въ очеркѣ, напечатанномъ въ редактированномъ мною I томѣ полнаго перевода сочиненій этого философа („Моск. Книгоиздательство“ 1912); его я приберегъ для предполагаемаго IV тома настоящаго сборника, имѣющаго современемъ появиться подъ особымъ заглавіемъ „Возрожденцы“. А такъ какъ туда же тяготѣла и статья „Древній міръ въ поэзіи А. Н. Майкова“ то и ее я изъ этого тома исключилъ. Зато я прибавилъ статейку „Земля и война“, напечатанную раньше въ сборникѣ „Невскій Альманахъ“, такъ какъ по содержанію она подходитъ къ общему характеру этого тома. Не могу сказать того же про статью „Уральскія впечатлѣнія“ (нигдѣ раньше не печатавшаяся); если бы читатель нашелъ эти странички изъ дневника туриста излишними, то я затруднился бы что либо сказать въ ихъ оправданіе.

Θ. Зѣлинскій.

Петроградъ.
Декабрь 1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Идея нравственнаго оправданія	1
II. Ифигенія	45
III. Воскресшіе поэты	53
1. Вакхилидъ, его оды и баллады ¹⁾	53
2. Геродъ и его бытовые сценки	96
3. Царипа - прислужница (новонайденная „Ипсиписа“ Еврипида).	127
IV. Антигона	177
V. Первое свѣтопреставленіе	185
VI. Про нечистую силу	237
VII. Античная Ленора	247
VIII. Парламентаризмъ въ римской республикѣ	273
IX. Новый памятникъ древне-римскаго быта	281
X. Остракологія	318
✓ XI. Рабочая пѣсенка	326
XII. Еврипидъ въ переводѣ И. Θ. Анненскаго (Алкеста и Медея).	342
✓ XIII. Происхожденіе комедіи	360
XIV. Мотивъ разлуки (Овидій—Шекспиръ—Пушкинъ).	399
XV. Гейдельбергъ	423
XVI. Земля и война	433
XVII. Уральскія впечатлѣнія	436
1. Златоустъ	436
2. Тургоякъ	442
3. Кунгурская пещера	448
XVIII. Золотой вѣкъ	456

¹⁾ Уже послѣ отпечатанія этой статьи попала въ мои руки главная филологическая новинка 1915 г.—т. XI Оксиринхскихъ папирусовъ, содержащій м. пр. два сравнительно крупныхъ отрывка изъ застольныхъ пѣсень („сколій“) Вакхилида. Къ сожалѣнію, они мало намъ даютъ; все же первому мы обязаны болѣе полнымъ и исправнымъ текстомъ переведеннаго мною на стр. 54 (внизу) отрывка, а также и именемъ того, кому пѣсня была посвящена: это былъ извѣстный изъ Геродота Александръ Филеллинъ, царь македонскій.

ИДЕЯ ПРАВСТВЕННОГО ОПРАВДАНИЯ,

ЕЯ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ.

(1899).

Великія нравственныя идеи въ своемъ распространеніи среди людей раздѣляютъ участь великихъ научныхъ истинъ: переходя изъ рукъ гениа, впервые сдѣлавшаго ихъ доступными, въ руки посредственностей, онѣ на видъ остаются тѣмъ же, чѣмъ были въ началѣ, но теряютъ то, что въ нихъ было самымъ дорогимъ для насъ—ту незримую магнетическую силу, которая притягивала къ нимъ сердца. Въ настоящее время—не безъ гордости замѣчаютъ друзья прогресса—любой школьникъ знаетъ то, что нѣкогда стоило Копернику тридцатитрехлѣтнихъ трудовъ; это вѣрно, и эта гордость справедлива. Все же астрономъ-мыслитель предпочтетъ книгу *de revolutionibus orbium coelestium* великаго гуманиста самому изящному изъ новѣйшихъ изложеній коперниковской системы. Правда, осилить ее будетъ стоять немалого труда; правда и то, что ея читатель не обезпеченъ отъ многочисленныхъ ошибокъ, которыя еще раздѣлялъ Коперникъ и которыя исправила позднѣйшая наука. Но эти неудобства искупаются однимъ громаднымъ, незамѣнимымъ преимуществомъ: читая ее, мы дѣлаемся свидѣтелями гигантскихъ усилій человѣческаго духа, отъ которыхъ не сохранилось болѣе слѣда въ ходячихъ изложеніяхъ того, что было ихъ результатомъ; мы видимъ въ полной дѣятельности вулканъ, по давно потухшей лавѣ котораго теперь безопасно гуляютъ прохожіе.

То же отпосится и къ правственнымъ идеямъ; разница лишь въ томъ, что, будучи именно только идеями, а не истинами, научно доказанными и неопровержимыми, онѣ гораздо болѣе страдаютъ отъ того, что аромать оригинальности въ нихъ выдохся, и его смѣнилъ тотъ не всѣмъ пріятный запахъ жилого помѣщенія, которымъ посредственность неизбѣжно заражаетъ все, чего она касается. Пускай геліоцентрическая система составляетъ достояніе всякаго школьника, пускай она развивается въ скучныхъ произведеніяхъ убогихъ компиляторовъ—никто вслѣдствіе этого отъ нея не отвернется, не назоветъ ее „избитой“, „заѣзженной“, „пошлой“, не обратится отъ нея къ другой, болѣе новой и интересной системѣ. Здѣсь не то. Эпитетъ пошлости, безвредный для научной истины, убійственъ для нравственной идеи;—и вотъ начинается скитаніе мыслей и чувствъ. Жажда новизны, желаніе во что бы то ни стало избѣгнуть пошлости—заставляетъ людей отъ здороваго обращаться къ болѣзненному и вымученному, отъ простаго къ замысловатому, отъ яснаго къ туманному; все хорошо, лишь бы оно было новымъ или, по крайней мѣрѣ, казалось таковымъ. Придетъ время — и это новое станетъ старымъ, избитымъ, пошлымъ и подвергнется двойному осужденію, и за болѣзненность, и за пошлость; и то забытое старое воскреснетъ и найдетъ себѣ восторженныхъ поклонниковъ. Такъ было, такъ будетъ всегда.

И дурного тутъ нѣтъ ничего: всякая эпоха живетъ своею жизнью, и всякая жизнь интересна. Все же обреченному жить въ эпоху скитанія мыслей и чувствъ пріятно и отрадно обращаться къ тому времени, когда здоровое не было еще пошлымъ, а интересное—болѣзненнымъ; когда идеи, ставшія позднѣе ходячею монетою, еще только вырабатывались и, появляясь на свѣтъ, были насыщены той магнетической силой, которую создаетъ соединеніе двухъ элементовъ: здоровья и новизны. Въ этомъ именно и заключается прелесть античности для тѣхъ, кто умѣетъ ее повимать. Конечно, и античность не была той сплошной и однородной массой, какой ее себѣ представляютъ многіе у насъ; и она жила и развивалась, и въ ея предѣлахъ здоровое могло состариться и вызвать жажду новаго, хотя бы и болѣзненнаго. Все же въ своей совокупности она была сво-

домъ здоровыхъ темъ, повторявшихся съ тѣхъ поръ въ неисчислимыхъ варіаціяхъ до нашихъ временъ и имѣющихъ повторяться, пока живъ будетъ міръ.

Съ одной изъ этихъ темъ я намѣренъ познакомить читателя въ нижеслѣдующихъ главахъ.

I.

Когда у насъ ставили „Орестею“ Танѣева, либретто которой цѣликомъ заимствовано изъ трилогіи того же имени Эсхила, наша публика отнеслась довольно-таки холодно къ творенію великаго греческаго трагика; нашлись даже наивные люди, порицавшіе родоначальника европейской драмы за „избитость“ обработаннаго имъ сюжета. Невѣрная жена боится возвращенія съ похода своего царственного мужа; когда же онъ возвращается, она убиваетъ его съ помощью своего новаго друга. Сынъ убитаго мститъ за его гибель; но проклятія его матери, воплощенные въ богиняхъ-мстительницахъ Эриніяхъ, изгоняютъ его изъ родины, и онъ обрѣтаетъ покой лишь послѣ того, какъ его оправдываетъ учрежденный божествомъ строгій и правый судъ. Какъ все это просто, ясно, здорово, т.-е., выражаясь на современномъ языкѣ, какъ шаблонно, избито, неинтересно!.. Конечно, отъ либреттиста нельзя было и требовать, чтобы онъ въ своей скромной передѣлкѣ сохранилъ тѣ черты подлинника, которыми болѣе всего дорожить мыслящій читатель, чтобы онъ сохранилъ слѣды усилій гиганта-пахаря, впервые работающаго на дѣйственной нивѣ человѣческой мысли. Онъ сдѣлалъ, что могъ: оставилъ и въ общемъ, и въ частностяхъ развитіе Эсхиловой фабулы, прибавилъ отъ себя нѣсколько сценъ и ради ясности и ради эффекта,—и вышло то, что могло и должно было выйти.

Наша точка зрѣнія однако другая. Намъ преданіе объ Орестѣ-матереубійцѣ интересуется не какъ преданіе и не какъ сюжетъ трагедіи или оперы, а исключительно какъ „носитель“ одной изъ важнѣйшихъ и величайшихъ нравственныхъ идей—идеи оправданія преступника. Дѣйствительно, что такое нравственное оправданіе? Оправданіе, это—возстановленіе душевнаго

равновѣсія, утраченнаго при совершеніи грѣха или преступленія, это — выздоровленіе заболѣвшей души. Подобно идеѣ выздоровленія, и идея оправданія—идея вѣчная и не старѣющая; она такъ же дѣйствительна для насъ, какъ дѣйствительна небесная Лира, ласкающая насъ по ночамъ тѣмъ же тихимъ, таинственнымъ свѣтомъ, какимъ много вѣковъ назадъ она ласкала болѣе воспріимчивые глаза современниковъ Перикла. И если читатель при чтеніи нижеслѣдующихъ страницъ не почувствуетъ, что рѣчь идетъ о непосредственно близкихъ его сердцу интересахъ, что передъ нимъ раскрывается книга его собственной души,—то пусть онъ винить лишь неумѣлость толкователя, не справившагося со своею задачею, не смогшаго правильно передать то, что онъ правильно вычиталъ и уразумѣлъ.

Само собою понятно, что, говоря о происхожденіи и развитіи идеи оправданія, мы должны перенестись въ тѣ времена, когда вообще зарождались и развивались нравственныя идеи, т.-е. въ античность; но, быть можетъ, покажется страннымъ, что авторъ, собираясь прослѣдить происхожденіе и развитіе нравственной идеи, обращается не къ философамъ-моралистамъ, а къ міеологіи, что онъ беретъ ее не въ отвлеченномъ видѣ, а въ оболочкѣ ея міеа-носителя. Чтобы выяснитъ это, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое эта античная, т.-е. греческая міеологія, и какъ ее слѣдуетъ понимать.

Греческая „міеологія“, какъ ее обыкновенно называютъ, т.-е. повѣствовательная часть греческой религіи, представляетъ удивительное, единственное въ своемъ родѣ явленіе; плохо о ней судятъ тѣ, которые видятъ въ ней нѣчто единое, установившееся, недвижимое. Въ ней все живетъ, все движется, все растетъ, расцвѣтаетъ и вянетъ; отъ величавыхъ концепцій Эсхила до изящныхъ арабесокъ Овидія очень далеко, едва ли не дальше, чѣмъ отъ Овидія до опереточной міеологіи Оффенбаха. Былъ у древнихъ народовъ красивый обычай, перешедшій позднѣе и къ христіанскимъ,—посвящать трофеи своихъ побѣдъ надъ врагами въ храмъ своего родного божества, такъ что этотъ храмъ давалъ въ вещественныхъ свидѣтельствахъ внѣшнюю исторію своего народа. Но кромѣ этихъ каменныхъ

храмовъ, былъ у нихъ и храмъ незримый, нерукотворный, въ который они посвящали трофеи не внѣшнихъ, а внутреннихъ побѣдъ, живыя свидѣтельства своего нравственнаго и умственнаго прогресса; этимъ храмомъ была ихъ родная миѳологія. Миѳъ—естественная, необходимая форма, въ которую облекалась идея, не находившая еще для выраженія самой себя готоваго отвлеченнаго языка; всякое измѣненіе въ міросозерцаніи имѣло послѣдствіемъ органическое измѣненіе миѳовъ; кто сдумалъ бы представить намъ греческую миѳологію въ ея историческомъ развитіи, тотъ далъ бы этимъ самымъ—въ иносказательной формѣ—исторію эволюціи греческой народной души. Въ нижеслѣдующемъ сдѣланъ опытъ такого развитія на одномъ изъ многочисленныхъ миѳовъ греческой религіи—на миѳѣ объ Орестѣ-матереубійцѣ. Правда, работа, которую я имѣю въ виду, должна быть изслѣдованіемъ, изслѣдованіемъ филологическимъ; здѣсь же дано, для удобства читателей-нефилологовъ, не изслѣдованіе, а повѣствованіе. Изслѣдователь отъ извѣстнаго переходитъ къ менѣе извѣстному, руководясь въ нашей области данными этимологіи, исторіи литературы и культуры, сравнительной миѳологіи; повѣствователь переходитъ отъ болѣе ранняго къ болѣе позднему, пользуясь результатами трудовъ изслѣдователя. Въ данномъ же случаѣ именно болѣе позднее является болѣе извѣстнымъ и наоборотъ; нашъ путь, поэтому, прямо противоположенъ тому, котораго долженъ былъ бы держаться изслѣдователь. Прошу это помнить при чтеніи нижеслѣдующихъ страницъ.

II.

Первой идеей, представившейся младенческому уму чело-вѣка, когда для него, наконецъ, занялась заря сознательной жизни, была идея его зависимости отъ силъ природы; эти послѣднія, въ сумеркахъ зарождающагося сознанія, стояли передъ нимъ туманными великанами со сверхчеловѣческой мощью, но съ человѣческими страстями и стремленіями. Таковы были боги первобытнаго человѣчества. Ихъ могло быть много; но особенно близкими были ему тѣ, дѣйствія которыхъ, вслѣдствіе

своей повторяемости, болѣе всего вліяли на его жизнь, власть которыхъ онъ чувствовалъ надъ собой съ особенной силой. Ежедневно ночь убиваетъ день, ежегодно зима убиваетъ лѣто; ежедневно человѣкъ долженъ былъ искать убѣжища отъ страховъ ночи, ежегодно отъ страданій зимы; онъ дѣлалъ это съ твердой надеждой, что царство обоихъ этихъ жизневраждебныхъ началъ будетъ непродолжительно: придетъ Солнце-богатырь и сорветъ сверкающіе доспѣхи побѣжденной ночи, придетъ Солнце-богатырь и разрушитъ туманную твердыню побѣжденной зимы. Таковы были главные миѳы первобытнаго человечества; мы встрѣчаемъ ихъ на всемъ протяженіи земного шара.

Новая эра началась тогда, когда человечество, оставивъ колею чисто животной, физической эволюціи, вступило на путь сознательнаго умственнаго прогресса; началась только для тѣхъ народовъ, которымъ, по неисповѣдимымъ законамъ природы, былъ назначенъ этотъ путь.

Соотвѣтствующая новой эрѣ новая идея была послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ двухъ старыхъ идей, перенесеніемъ ихъ въ болѣе высокую, умственную сферу; и здѣсь мы имѣемъ ту же борьбу житнетворнаго и жизневраждебнаго начала, дня и ночи, лѣта и зимы, только еще ступенью выше. Временной единицей новой идеи были уже не сутки и не годъ, а болѣе крупный періодъ, относящійся къ году приблизительно такъ же, какъ годъ относится къ суткамъ. *Все, что имѣло начало, будетъ имѣть и конецъ; но за концомъ будетъ новое начало;* эта великая идея, на которую навела человѣка гибель дня подъ натискомъ ночи и гибель лѣта подъ натискомъ зимы съ ожидаемымъ въ обоихъ случаяхъ торжествомъ Солнца-богатыря—эта идея была перенесена на великое лѣто жизни человечества. И оно имѣло свое начало: было время, когда и люди, подобно всѣмъ прочимъ животнымъ, жили по законамъ своей родительницы Земли; она ихъ одѣвала, она ихъ кормила, она ихъ надѣляла всѣмъ тѣмъ знаніемъ, въ которомъ они нуждались для того, чтобы, проживъ положенный имъ вѣкъ, передать „свѣточъ жизни“ другому поколѣнію,—тѣмъ загадочнымъ для біолога, чудеснымъ для простаго мыслящаго человѣка знаніемъ, которое мы называемъ инстинктомъ. Такъ было нѣкогда, но